

DOI 10.46698/VNC.2024.1.1.002

И.С. Хугаев

Опыт популярной хрестоматии осетинской малой прозы: Чермен Беджызаты. «Батай Албегов и невестка Барсаговых»

Ирлан Сергеевич Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук, комплексный научно-исследовательский отдел, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук, Владикавказ, Россия, shmiksel@rambler.ru

The experience of the popular anthology of Ossetian short prose: Chermen Bejzaty. "Batai Albegov and Barsagovs' daughter-in-law"

Irlan S. Khugaev

Comprehensive Research Department of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (CRD VSC RAS), Leading Researcher, Dr., Vladikavkaz, Russia, shmiksel@rambler.ru

Мы уже говорили о том, насколько важен для писателя художественный опыт народа в устном творчестве. Жанровые формы, сюжеты и образы фольклора, эпоса и мифологии выступают, как неоднократно подчеркивалось специалистами, неиссякаемым источником индивидуального искусства. Конечно, «удельный вес» фольклорного элемента в национальной литературе неуклонно снижается (уже потому, что литература растет, а фольклор – только один из его источников), и все же абсолютно иссякнуть фольклор как источник не может, демонстрируя волшебное свойство фольклорного же образа

– мифического осетинского «рога изобилия» – нартовской чаши Уацумонга, всегда, сколько бы из нее не пили, полной лучшего ронга или пива.

Это свойство материала устного народного творчества – «уæле айсгæ, бынæй ахадгæ» (букв. «сверху отнимаемое, снизу восполняемое») – обусловлено не только различием субъективных восприятий, но и объективными характеристиками осетинского фольклора, – его разнообразными, оригинальными и подвижными формами, многие из которых и по сей день бытуют в народе.

Особенную жизнестойкость – именно как жанр устного творчества – выказывают фамильные предания и легенды (осет. «таурæгъ»). Вероятно, это потому, что к ним относились с особым, личным пристрастием: за них, в отличие, скажем, от сказок, были «ответственны» конкретные фамилии, которые хранили их, как хранят «цыкурайы фæрдыг» («бусина исполнения желаний») – у

осетин особенный семейным талисман). В самом деле, сказки мы не столь обязаны помнить, как историю рода, услышанную от родного дедушки.

Нет ни одной осетинской фамилии, у которой бы не было своего «священного» предания. Впрочем, кавычки здесь излишни. Ибо тексты таких преданий для представителей того или иного рода выступают формально тем же, чем Библия выступает для христиан. И, если есть священное писание, то почему бы не быть и священному сказанию?

Многие из этих преданий и легенд уже зафиксированы в академических исследованиях, этнографических записках и художественных произведениях, –

именно в литературных обработках – жанр, широко и ярко представленный в творчестве таких осетинских писателей, как Сека Гадиев, Чермен Беджызаты, Созырыко Цагараев, Азамат Кайтуков и др.

В чем особенность этой литературы? Если оригинальный текст профессионального писателя, а в особенности писателя крепкого, даровитого можно уподобить бриллианту, в котором выражены классические законы пропорции, симметрии и перспективы, то литературные обработки «таурага» чем-то подобны алмазу: автор-ювелир сознательно не подвергает их глубокой переработке и тщательной шлифовке, так или иначе стремясь сохранить их первозданную и аутентичную природу.

Сегодня мы вспомним новеллу Чермена Беджызаты (1898–1937) «Батай Албегов и невестка Барсаговых», которая входит в его знаменитый

цикл «Башни говорят» («Мæсгуытæ дзурынц», 1934), посвященный автором, стоит это заметить, его деду, одному из самых знаменитых осетинских сказителей Левану Беджызаты. Тем самым писатель, как мы это понимаем, косвенно указал на источник своих самобытных сюжетов.

Чермен Давидович Беджызаты родился в с. Едыс Южной Осетии. Он учился в Горийской гимназии, затем в Тифлисской духовной семинарии. После революции и Гражданской войны, в которых он принимал активное участие, Беджызаты занимал должности зам. председателя Цхинвалского ревкома (1921–1923), секретаря президиума Юго-Осетинского ЦИК (1923–1925), редактора газеты «Хурзарин» (1924–1926). По окончании Высших курсов при Государственном институте журналистики в Москве он работал редактором литературной газеты «Большевистское искусство», литературно-художественного журнала «Фидиуаг», директором книжного издательства, зам. директора ЮОНИИ, ответственным секретарем Союза писателей Южной Осетии и т.д. Был делегатом I Всесоюзного съезда советских

писателей... Увы, жизнь Чермена Беджызаты оборвалась трагически, – так же, как жизнь многих других осетинских писателей, попавших под колесо т.н. «большого террора».

Аутентичность текстов, подобных «Батаю Албегову...», подтверждается тем, что в них зачастую нет единства действия, канонических сюжетно-композиционных приемов и четкого событийного детерминизма, характерных профессионально-литературной традиции. Поэтому здесь мы опускаем первую часть текста Беджызаты, которая не имеет прямого отношения к центральному драматическому положению новеллы. Скажем только, что опущенный фрагмент знакомит нас с историей взаимоотношений Барсаговых и Албеговых; из него, в частности, читатель узнает, что именно Барсаговы были виновны в смерти Салдженыга Албегова (его, по наущению Барсагова Дадая, убил родной брат) – а мор, тем не менее, напал не на Барсаговых, а на Албеговых. «Этого придумать нельзя, – думает пронизательный читатель, – стало быть, примерно так все и было...».

Чермен БЕДЖЫЗАТЫ

Батай Албегов и невестка Барсаговых

(в сокращении)

(Перевод А. Дзантиева)

<...> С этого дня смерть надолго поселилась в доме Албеговых. Рассказывали, что кто-то из их семьи побывал в Грузии и привез оттуда какую-то заразную болезнь. Явилось ли именно это причиной или что другое, но, начиная со дня гибели Салдженыга, на род Албеговых напал мор и стал косить людей одного за другим, так что в доме Албеговых днем и ночью только и слышались вопли да причитания. Сельчане, боясь заразиться, сбегали кто куда. Уже некому и на похороны было прийти к Албеговым, некому было оказать им помощь. Бедняги, пока они еще могли, сами относили умерших в склепы, сами их хоронили, а потом и это некому стало делать. Теперь уже ни плача, ни причитаний не было слышно, и дыма над окнами не видно.

– Все до единого погибли, весь род вымер, – решили сельчане, и каждый вернулся в свой родной дом.

Но вот как-то с верхушки башни Албеговых раздался голос:

– Добрые люди, да избавят вас дзуары¹ наших гор от злой болезни! Мор унес весь мой род, один лишь я в живых остался. Пусть те из вас, кто хочет заслужить себе в будущем рай, помогут мне захоронить умерших родичей.

Люди смотрят, дивятся, как же иначе, – кричит с верхушки башни Батай из рода Албеговых. В селе Башен знали Батая как благородного, смелого юно-

шу. Сидят на нихасе старики и говорят младшим:

– Заразы теперь можно не бояться, идите и помогите захоронить достойнейших Албеговых, не то позор нам всем.

Собрались люди у Албеговых, оплакали умерших, потом захоронили их в склепе. Вход в него закрыли камнем. Люди помогли также прибрать в доме, накормили проголодавшуюся скотину, после чего разошлись по домам.

Батай, бедняга, решил справить тризну по умершим. Послал гонцов к дальним родственникам, всех жителей ущелья Башен пригласил к себе. Когда в назначенный день люди собрались в его доме, он велел испечь лепешки из всего оставшегося в доме зерна, а весь скот зарезать. Люди стали его отговаривать, не стоит этого делать, ведь тебе самому еще жить, но Батай никого не послушал, поступил по-своему. Люди сели за тризну, как же иначе, и помянули род Албеговых светлой памятью.

Когда же тризна подошла к концу, Батай вышел перед народом и сказал:

– Добрые люди! Благодарю всех, кто оказал последние почести роду Албеговых. Особое благодарение наших горных дзуаров да снизойдет на Барсаговых, которые предали земле умерших. Все, что еще остается от нашего рода – скот и дома, земли и реки, все передаю роду Барсаговых. Пусть берут и владеют этим добром на счастье, пусть распоря-

¹ Дзуар – святой дух, покровитель.

жаются им, как сами пожелают, с этого дня я здесь не хозяин. Жить дальше мне ни к чему, я отправляюсь той дорогой, которой ушел мой род. А кто станет мешать мне в этом, пусть того постигнет участь рода Албеговых, а род его да будет жертвой моему роду на том свете.

Подивились люди этим словам, стали отговаривать Батаю, не губи свой род, не дай ему исчезнуть бесследно, но никого не послушался Батай, ни друзей, ни старших, пошел к склепу, влез туда и вход за собой камнем завалил. Силой удерживать его никто не стал, каждый проклятия боялся.

Что теперь было делать людям, собравшимся на тризну? Самые достойные из них пришли на нихас и стали решать, как выманить Батаю из склепа. По-всякому просили, уговаривали его, но никого Батай не послушался. Тогда послали к нему старейшего из рода Барсаговых, именитого Батага. Но и к его мудрым речам не прислушался Батай, не вышел из склепа. Вот уже ни одного сколько-нибудь известного человека не осталось, кто не побывал бы у Батая, кто не просил бы его оставить родовой склеп, но все напрасно. А пока гадали да решали, что и как делать, дни шли за днями, и вот уже пять дней минуло с тех пор, как Батай заперся в склепе.

В эту же пору старик Калауты Хамат гостил в доме Абаевых у одинокой вдовы. Вдова, которая была из рода Калаута и приходилась родственницей Хамату, являла собой женщину пожилую, мудрую, добропорядочную. Как-то за ужином, узнав, что Батай ни за что не желает покидать склеп, Калауон² сказала Хамату:

– Брат мой, знаю я один способ выманить его оттуда, но боюсь, как бы это не привело к великой беде. Только подумаю об этом, и волосы у меня на голове поднимаются, сердце сизым огнем начинает пылать, язык во рту не поворачивается.

– Сказав «огонь», уста не опалишь, сестра моя! Скажи, если знаешь, как выманить Батаю из склепа. Албеговы нам не чужие, они наши родственники. В доме мы одни, никто нашего разговора не слышит, и если твой план и в самом деле будет грозить бедой, никто о нем ничего не узнает, – сказал Хамат женщине.

– Ладно, так и быть, только заклинаю тебя прахом усопших родственников, не рассказывай об этом никому до тех пор, пока сам все не обдумаешь. Я глупая, неразумная женщина, могу и ошибаться, только мне кажется, что Батай был увлечен Царахон, женой Барсагова Дадая. Меж небом и землей для него дорожке ее не было никого, она была ему слаще, чем весь его погибший род. Так вот, если послать к Батаю Царахон, он не сможет устоять и выйдет из склепа, так мне подсказывает сердце. Но род Барсаговых жесток, если узнают об этом, Батаю не поздоровится, из-под земли его достанут, чтобы отомстить, да и Царахон в живых не оставят. Вот я и не знаю, глупая, как быть, что

придумать, – дрожащим голосом поведала старая женщина.

– Но откуда ты все это знаешь?

– Как же мне не знать, когда я сама им в этом помогала. Батай любил Царахон еще в ее девичестве, а после того, как она пришла в дом Барсаговых, юноша часто навещался ко мне, к своей родне, здесь их сердца и раскрылись друг другу. Меж небом и землей кроме нас троих об этом ни одна живая душа не знает, а сейчас еще ты об этом узнал, только умоляю тебя, прахом усопших заклинаю, не делай ничего, что повредило бы этим двум людям, – слезно попросила женщина.

– Не беспокойся, сестра, – успокоил ее Хамат, – сделаем, как лучше, нового горя не допустим.

Всю ночь не мог сомкнуть глаз старый Хамат: как быть, что делать? Втайне от всех послать Царахон к склепу? А вдруг это и в самом деле заставит Батаю покинуть склеп, ведь тогда Барсаговы вмиг поймут, в чем дело. А не послать Царахон, так ведь даже мудрые старики и те не в силах ничего другого придумать. Измучил себя Хамат вопросами, а тут и утро наступило.

На рассвете Хамат пригласил к себе в дом трех самых мудрых рассудительных старцев и в разговоре с ними как бы невзначай обмолвился о тайной связи Батая и Царахон. Все четверо долго спорили, как быть, и наконец решили, что надо переговорить с самим Батагом, старейшим из рода Барсаговых. Пришли к нему в дом и рассказали все, как есть, после чего чуть ли не на коленях стали его просить:

– Мы уже все испробовали, ничего другого нам не остается, теперь в твои руки мы передаем судьбы многих людей, пусть же твой ум будет нам судьей, и судьбу этих двух несчастных тоже тебе решать, да съест нам твои болезни.

Крепким, сильным стариком был Батаг, ни один мускул не дрогнул на его лице. Долго он молчал и наконец сказал:

– Добрые люди, слова ваши дошли до моего слуха, но коснутся ли они сердца или ума, пока не знаю, прежде мне надо переговорить с младшими.

Задрожали старцы холодной дрожью и скрылись за дверью.

А вскоре в полном вооружении собрались Барсаговы в большом доме старейшего рода на семейный совет, ни один сколько-нибудь взрослый юноша не остался дома. Кто знает, о чем говорили и что решали Барсаговы на своем семейном совете, уже и солнце стало к закату клониться, а они все не расходились. Люди на улицах дивились: что принудило Барсаговых собраться на семейный совет, что они решают? Те из стариков, которые знали, в чем дело, сидели на нихасе, будто на колючках: ждали, какое решение вынесет немилосердный род Барсаговых.

На исходе дня двери наконец отворились, и из дома вышел Батаг, опираясь на палку, а за ним и

² Калауон – женщина из рода Калаута.

весь его род, среди них и хмурый Дадай. Батаг пришел на нихас и сел среди стариков. Ждут люди, что скажет старейший из рода Барсаговых. И сказал Батаг:

– Среди нас не найдется ни одного человека, который бы с ликованием встретил весть о гибели рода Албеговых. Этот род был известен своим благородством и учтивостью. Теперь пришел его конец, от всего рода остался в живых один несмышленный младенец, да и тот укрылся в склепе и закрыл вход могильной плитой. В течение пяти дней, добрые люди, мы делали все, чтобы он покинул склеп, но так ничего и не добились. Теперь пусть к склепу идут все женщины села и оплачут погибший род, как велит обряд. Впереди пусть идет самая лучшая плакальщица, может, сердце юноши не выдержит женского плача, и он выйдет из склепа. Это последнее средство, которое я знаю, добрые люди.

Тут люди засуетились, забегали, собрали всех женщин села и послали их к склепу. Впереди всех с плачем шла Царахон. Мужчины встали вокруг склепа по старшинству, впереди старики, и склонили головы. Женщины приближались к склепу тремя рядами по старшинству, вначале по очереди причитали три женщины, потом запричитала и бедняга Царахон.

Царахон была известной в селе плакальщицей. Едва зарыдала она возле склепа, едва запричитала во весь голос над своим несчастьем да над несчастьем своего возлюбленного, едва заголосоила о том жестоком наказании, которое ее ждет за свой позор, выйдет ли Батай из склепа или нет, как люди не выдержали и сами зарыдали. Даже старики, слушая душераздирающие причитания, не смогли удержаться и стали кулаками вытирать набегающие слезы. Скалы крошились от горя, лес разлетался в щепы, внимая плачу Царахон, даже речка приумолкла, заглушила свой рокот. О женщинах же и говорить нечего, слезы ручьями сбегали по щекам, а ручьи эти, слившись, потоком мчались к селу. Слушая ее причитания, люди и о Батае забыли.

Не вынес этих мук сын Албега, разворотил каменную дверь склепа и, повалившись на землю у ног Царахон, горько зарыдал. Люди опомнились, подняли Батая и отвели его в дом. Женщины-плакальщицы вернулись в село.

Но гости из других сел не спешили расходиться. Люди опасались, как бы разгневанные Барсаговы не расправились с Батаем и Царахон. Между тем весь род Барсаговых, старики и молодежь, мужчины и женщины, укрылись в своем доме, затихли, никто и за порог не выглядывал. Забеспокоились люди: что-то недоброе замышляют Барсаговы. Послали стариков к Батагу узнать, что и как, но те вернулись ни с чем: не пожелал их принять старейший рода, идти же во второй раз старики не решились. Ничего другого не оставалось, как ждать. Всю ночь

люди на ногах простояли, никто даже глаз не сомкнул.

На рассвете, едва солнце поднялось над скалами, Батаг вновь собрал в доме мужей своего рода, велел прийти всем, кто мог держать в руках оружие и способен был дать разумный совет. Сам Батаг, прикрыв глаза, восседал в родовом кресле во главе многих рядов, остальные мужи безмолвно входили в дом, и каждый занимал себе место по возрасту, либо среди сидящих, либо среди стоящих. В доме стояла мертвая тишина, будто живых здесь и в помине не было. Мужики стояли, нахмурив брови, сжимая рукояти кинжалов. Вот уже весь род в сборе, а Батаг все не нарушает своего молчания. Молчат и другие. Наконец тяжелые веки Батага дрогнули, он неторопливо открыл глаза и, устремив взгляд на очажную цепь, стал говорить. И пока он говорил, веки его ни разу не моргнули:

– Позор, невиданный, неслыханный позор, словно папаха, накрыл тебя, о доблестный род Барсага!.. Зная о нанесенной тебе обиде, ты своими руками извлек обидчика из могилы. Прослышав о таком чуде, люди по всей Осетии от удивления рты раскрыли. Имя твое запятнано, лицо измарано в грязи, кто еще отведаст твоего хлеба, Барсагово племя? Как теперь станете жить среди людей, ведь малые дети и те будут плевать вам вслед, леса и деревья станут горючими слезами оплакивать ваш невиданный позор, горные куропатки сложат о вас бесславные песни. Отныне место вам не на зеленых лугах, а в грязном болоте. На что надеешься, чем себя тешишь, род Барсага, презренным и опозоренным нет места в наших горах!

При этих словах грозные лица мужей заливают кровь, от гнева сердца их пылают синим пламенем, глаза вылезают из орбит.

– Дада³, как о великом благе прошу о смерти. Дай мне право умереть! – вырвалось из груди Дада.

– Да, да, покараем нечестивцев или сами умрем! – хором повторили собравшиеся.

Глаза старого Батага засверкали так, будто он вдруг превратился в двадцатилетнего юношу.

– Смерть?! Но когда смерть была спасением от позора? Когда она помогла смыть его или забыть о нем? Ну, обагрите вы мечи кровью презренного Албегова, кровью Царахон, и что же, разве это поможет смыть ваш позор? Изрубите родичей Царахон или позвольте себя изрубить родичам Албега, разве это поможет избежать позора? Выбросите из склепа Албеговых всех покойников, втопчете их надочажные цепи в грязь, разве это уменьшит ваш гнев? Смерть? Нет, ей никогда не смыть позора с ваших лиц! – и суровый, неумолимый Батаг опустил голову на грудь.

– Гнев и обида разрывает нам сердце, сознание наше мутится, не жди от нас разумного совета, старейший! Говори, что ты решил, не томи нас боль-

³ Дада – отец.

ше, – попросил Батага сидящий рядом старик.

Точно ловкий, проворный юноша, вскочил Батаг с места. Могучий голос его, прогремев по дому, приподнял крышу:

– Слушайте же, что вам скажет старый Батаг. Пусть горы позора обрушатся на грудь Барсага, пусть реки бесчестья перемальвают камни и скалы на груди Барсага, не поддастся стальная грудь, выдержит. Род Барсаговых поступит так, как никто прежде в Осетии не поступал, и славное имя его останется в веках, пока на земле будет слышна наша речь. Идите и приготовьте для Царахон свадебный наряд, приготовьте все, что нужно для свадьбы. Не какой-нибудь бедный род справляет свадьбу, а род Барсага! Невесту вы сами выдаете и сватами сами будьте! И чтобы завтра вечером невеста была в доме Албега. А теперь расходитесь, Барсаговы, готовьтесь к свадьбе.

Молча, безропотно расходились люди из большого дома Барсаговых.

Назавтра, когда весть разнеслась по селу, люди от удивления не знали, что и подумать. Потом вдруг все разом хлынули к дому старого Батага. Веселые, ликующие крики взлетели к небесам: народ благодарил, славил род Барсага. С большими почестями проводили Барсаговы Царахон в дом Албеговых. Целую неделю веселились люди на чудесной свадьбе Батая и Царахон, а потом каждый из гостей, возблагодарив Барсаговых, отправился в свой родной дом.

А вскоре у Батая и Царахон появились дети. Вновь пустил ростки род Албеговых. Совсем еще недавно жил один из них в нашем селе. Сосе его звали, до чего же славный мужчина был! Позже он в Кобан переехал...

1934

РЕЗЮМЕ

Каков хитрец оказался старый Батаг! Воистину, тот по-настоящему хитер, кто хитрит ради общего блага.

Мы не знаем, о чем говорили Барсаговы на семейном ныхасе, но как-то не возникает сомнений,

что на нем утвердили именно решение Батага. А когда Батаг объявляет о том, что женщины села с плачем и причитаниями должны отправиться к склепу, он не говорит, что впереди должна идти его невестка Царахон – нет, он говорит: «лучшая плакальщица».

Батаг изображает боль, оскорбленность, гнев, но он наперед знает, что сам выдаст замуж свою невестку Царахон, жену своего сына Дадаю, за молодого Батаю, достойного смерти за тайную связь с Царахон. Шутка ли! – встречаться с замужней женщиной! Смертный грех! Страшное преступление по отношению ко всему роду Барсаговых.

И, тем не менее, сколь парадоксально, столь же непрерываемо звучит его высочайший вердикт: «Невесту вы сами выдаете и сватами сами будьте!» Диктатор! Дай Бог всем таких.

Интересно заметить и другое. Барсаговы не только мудрость и великодушие проявили, но и добровольно расплатились, сколько это было возможно, за смерть Салдженыга. Поэтому мы вправе подчеркнуть, что, хоть новелла рассказывает о драматической истории едва не погибшего рода Албеговых, но утверждает она деяние рода Барсаговых. Повествует об Албеговых, а прославляет Барсаговых. Сюжетный план связан больше с Албеговыми, а идейный план – с Барсаговыми.

О силе традиции, неизбежности представлений о чести рода немало говорится в наших сказаниях и в наших писаниях, но редко мы встречаем подобные сюжеты – именно, когда сильный человек поступает вопреки этическим нормам. И стяжает тем самым вечную славу.

Ну, а если нам все же отвлечься от славного Батага? – что стало главным залогом спасения Албеговых? Ибо Батаг, при всей его мудрости, не делал залогов, но только воспользовался неким залогом: что же это было?.. Любовь. Любовь Царахон и Батая. Именно она спасла и возродила род Албеговых. Мудрость Батага в том и заключается, что он увидел, что для этого не осталось другого способа, кроме любви.